

Лекант П.А. Рациональное и эмоциональное в русском предложении: семантика эмоционального состояния // Русский язык: номинация, предикация, образность. М., 2003.

Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М., 1993.

Озерова Н.И. Структурные типы эмоциональных предложений в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1966.

Пешковский А.М. Интонация и грамматика / Избранные труды. М., 1959.

Русская грамматика. Т. II. М., 1980.

Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Избранные труды по русскому языку. М., 1957.

Б.И.ОСИПОВ

Омский государственный университет

ИЕРАРХИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Иерархический характер отношений между грамматическими категориями языка в принципе, видимо, не может вызывать сомнений. Однако структура этой иерархии разным исследователям представляется различной. В предлагаемой статье автор не ставит целью проанализировать эти различия, а ограничивается изложением собственного видения проблемы, лишь в отдельных частных моментах позволяя себе полемику.

Думается, иерархия грамматических категорий должна рассматриваться в естественной последовательности порождения основного грамматического элемента речи — предложения. С чего начинается такое порождение? Очевидно, с выбора того, *о чем* мы будем говорить (диктум) и *как* (модус)¹.

Под вопросом *о чем* я понимаю не предмет мысли, которому предстоит приписать какое-то свойство, и тем более не грамматическое подлежащее, а тот фрагмент внешнего или внутреннего

---

¹ Терминология так называемого семантического синтаксиса ещё не устоялась. Вместо терминов “диктум” и “модус” употребляются также термины “пропозиция” и “пропозициональная установка”. В американской традиции им соответствуют термины “глубинная и поверхностная структура”. Ср., например: [Арутюнова 1990: 401; Саввина 1990: 110].

мира человека, который отразится в нашей мысли: будет ли это состояние погоды или содержание просмотренной телепередачи, новости микробиологии или ваше участие в драке, сущность теории психоанализа или ход зимней подкормки пчел на вашей пасеке.

Под вопросом *как* разумеется модально-временной и субъектно-объектный планы, то есть точка зрения на избранный объект, осознаваемая и преподносимая как таковая, именно как субъективная точка зрения. Так, подкормка пчел – объективный факт, но мы можем субъективно представить его как состоявшийся или имеющий состояться, как необходимый или ненужный, возможный или невозможный и т. д., а пчел можем представить в виде объекта (*Пчел подкормили*, *Пчелам дали подкормку*) или субъекта (*Пчелы получили подкормку*) и т.д.

При этом субъективный момент присутствует и в диктуме: диктумный компонент – компонент объективный лишь в том смысле, что говорящий выбирает то, о чем он будет говорить, из объективно существующего мира (окружающего или внутреннего), но сам выбор, разумеется, субъективен. В модусе же субъективен не только выбор фрагмента мира, но и выбор взгляда на него².

Решив вопрос, о чем и как говорить, то есть сориентировавшись в категориях диктума и модуса, мы естественно переходим к выбору слов, в которых надо оформить мысль об избранном фрагменте мира в избранном аспекте. При этом надо по возможности выбрать слова, понятные собеседнику (то есть сориентироваться в категории семантической пресуппозиции), причем понятные не только вообще, но и в данной ситуации (прагматическая пресуппозиция) и с учетом того места, какое мы отводим в разговоре собеседнику (ролевая пресуппозиция). Чтобы предложение *Пчел подкормили* было понятно нашему собеседнику, он должен знать, во-первых, семантику слов *пчела* и *подкормить*, во-вторых, связано ли это предложение с ситуацией общения или приведено, как в этом нашем контексте, для примера, и если связи с предшествующей ситуацией нет, то какую ему предлагают сыграть роль (в нашем примере это роль человека, который до начала восприятия данного предложения уже участвовал в разговоре о пчелах).

На этом этапе, то есть на этапе формирования лексико-семантической структуры предложения, вступают в силу такие категории, как сочетаемость слов и сила их связей.

---

² О семантическом синтаксисе подробнее см.: [Арутюнова 1974; Шмелёва 1988].

Сочетаемость слов – область, которая по ряду причин еще недостаточно исследована, но вопрос о таком разделе языкознания стоит. Это то, что И.Е.Аничков назвал идиоматикой [Аничков 1997; 2001: 464-471]. Подобно тому, как слово идиоматично в силу несводимости его значения к сумме составляющих его морфем, так и сочетаемость слов идиоматична – в силу того, что она определяется не одним только их словарным значением, но и языковым обычаем (который, в свою очередь, конечно, тоже должен быть объяснен). По-русски не принято говорить *Пчел подпитали*, хотя *подкормить* и *подпитать* – явные и притом близкие синонимы.

Что касается силы и слабости связей между словами, то она традиционно рассматривается в рамках управления, согласования и примыкания, хотя Е.С.Скобликова давно показала, что в ряде случаев сильная связь определяется уже семантической недостаточностью главного слова [Скобликова 1990: 25-44]³. В других случаях она порождается семантической недостаточностью той или иной части конкретного предложения, задуманного говорящим. В предложении *Пчел подкормили сиропом* связь слова *подкормили* со словом *сиропом* слабая, но в предложении *За недостатком меда пчел подкормили сиропом* те же слова связаны сильной связью. Категория сильной и слабой связи, таким образом, является категорией семантического синтаксиса, а не синтаксиса словосочетаний – в том смысле, что не определяется связями согласования, управления или примыкания. Любая из этих связей в любом сочетании слов может быть как сильной, так и слабой в зависимости от конкретного лексико-семантического наполнения предложения.

После того, как определена лексико-семантическая структура предложения, необходимо сориентироваться в том, какая ее часть несет известную, а какая – новую для собеседника информацию (а в случае ролевой пресуппозиции – какую часть информации говорящий предлагает собеседнику принять в качестве известной, какую – в качестве новой). Иначе говоря, на этом этапе общения мы вступаем в область категорий коммуникативного синтаксиса⁴:

³ Ср. крайне неудачное и противоречивое изложение вопроса о сильных и слабых связях в [Русская грамматика 1980: 13-78].

⁴ Основные категории коммуникативного синтаксиса – тема и рема – под наименованием психологического подлежащего и психологического сказуемого были выделены ещё А.А.Потебнёй, фигурируют они и у А.А.Шахматова, однако активная разработка этой идеи началась, как

темы и ремы, поясняемого и поясняющего компонента синтагмы⁵.

Как и все значимые элементы языка, тема и рема могут распределяться по семантическим разрядам. Для темы наиболее типичным содержанием является обозначение либо источника, обуславливающего событие, о котором говорится в предложении, либо ситуации, в которой это событие происходит. В первом случае мы имеем дело с темой-детерминантом, во второй — с темой-ситуантом. Неслучайно именно эти два разряда выделены в синтаксисе раньше других. К сожалению, в истории вопроса о детерминантах и ситуантах мы сталкиваемся как раз со случаем, когда неверное определение места категории в общей иерархии категорий грамматики привело к путанице⁶. Путаница выразилась в том, что указанные разряды были объявлены членами предложения, что, конечно, неверно. Другое дело, что семантические разряды темы, а также и ремы не сводятся, конечно, к этим двум категориям. Они должны быть выделены, изучены и, несомненно, окажутся довольно многочисленными.

В предложении, далее, при одной теме может быть несколько рем или при одной реме несколько тем. В свою очередь в теме или реме, состоящей из нескольких слов, вообще в синтагме может быть несколько поясняющих при одном поясняемом или несколько поясняемых при одном поясняющем. Здесь перед нами возникает категория однородности. К сожалению, и эта категория рассматривается традиционными грамматиками в ненадлежащем месте. Говорят об однородных членах предложения, но это — частный (хотя и достаточно распространенный) случай однородности. Однородными могут быть и части членов предложения (например, связки сказуемого или, наоборот, его присвязочные компоненты), а главное — однородность наблюдается и в рядах раз-

---

известно, в XX в. в трудах В.Матезиуса. На русском материале коммуникативный синтаксис разрабатывается преимущественно в работах И.П.Распопова, позднее — Г.А.Золотовой. См., напр.: [Золотова 1973 и др.].

⁵ Вместо “поясняемое и поясняющее слово синтагмы” часто говорят “определяемое и определяющее”, но это создаёт нежелательную омонимию с термином “определяемое” - относящееся к определению как члену предложения. Подробнее см.: [Осипов 2003: 228 – 231].

⁶ О неправомерности рассмотрения детерминантов в плане конструктивного синтаксиса см. в [Фоменко 2001]. На нечёткость определений детерминантов и ситуантов в коммуникативно-синтаксическом плане указывает также О.Б.Сиротина, см.: [Сиротина 1980: 68].

ноименных членов предложения, если выполняется сформулированное выше условие. Случаи типа *Кто, когда и чем вас обидел* или *Скамейку сделали быстро, но плохую* вовсе не являются какой-то языковой экзотикой — это вполне тривиальные конструкции.

Наконец, как для темы, так и для ремы, как для поясняемой, так и для поясняющей части синтагмы свойственны более типичные и менее типичные формы слов. Например, именительный падеж существительного или местоимения чаще всего является либо темой, либо поясняемым словом в синтагме-теме (и вследствие этого составляет типичное начало русского предложения) (см. об этом: [Осипов 1988: 71-84]). Глагол в личной форме и прилагательное (особенно краткое) более типичны для ремы, чем для темы, а в реме чаще находятся в позиции поясняемого компонента. Косвенный падеж существительного или местоимения более типичен для поясняемой, чем для поясняющей части синтагмы и т. п. Эти формы, типичные для определенной позиции в коммуникативной структуре предложения, благодаря такой типичности способны как бы отрываться от своей коммуникативной функции и получать постоянный парадигматический статус. Так возникает категория членов предложения. Например, если именительный падеж выступает как поясняющее слово в рематической синтагме (преддицируемое слово) и, следовательно, нормально находится в конце предложения, то синтагматически он зависим от предыдущих слов. Когда мы говорим *Пришел новый гость*, мы в синтагматическом плане приспособливаем род и число последнего слова к словам *пришел* и *новый*. Если мы в последний момент обнаружим, что это не гость, а гостья, то мы перестроим эти первые слова. Но так дело обстоит в синтагматическом плане. Парадигматически же слово *гость* и в этой, не самой типичной для него позиции осознается как наиболее независимое в конструкции, как подлежащее. Категория членов предложения, таким образом, производна от категории компонентов актуального членения — как парадигматическое отражение и “закрепление” их синтагматических отношений. Члены предложения — категория конструктивного синтаксиса, именно в нем она описывается всеми грамматиками, в этом смысле ей как будто повезло больше, чем категориям сильной и слабой связи или однородности. Однако отсутствие увязки теории членов предложения с теорией актуального членения мешает до конца осознать как природу, так и структуру этой категории. Неслучайно понятие членов предложения не раз подвергалось критике в грамматической теории, несмотря на его широкое применение при описании самых разных языков.

Итак, члены предложения – это формализованные и благодаря этой формализации оторвавшиеся от своей коммуникативной базы компоненты актуального членения. Однако формы членов предложения достаточно разнообразны, и каждый из этих членов может быть распределен по целому ряду группировок в зависимости от характера связи с другими словами (категории согласования, управления, примыкания в словосочетаниях) и от морфологических признаков (категории рода, числа, падежа, лица, вида, времени, залога, наклонения).

Здесь мы переходим к следующей грамматической категории языка – к категории частей речи.

Если мы сгруппируем словоформы достаточно репрезентативного русского текста по наличию в них тех или иных морфологических категорий, то получим свыше 20 классов (Подробнее см.: [Осипов 2003: 261-266]). Это не только больше, чем количество привычных нам частей речи, но, что гораздо важнее, не соотносится с ними качественно. В самом деле, такие словоформы, как *мысль* (имеющая только вид и залог), *мою* (имеющая, кроме того, время, наклонение, лицо, число) и *моющий* (имеющая вид, залог, время, число, падеж и род), оказываются в разных морфологических классах, а слова *семь* и *себя*, имеющие оба только падеж, – в одном и том же классе. И если слова первых трех приведенных здесь классов можно как-то объединить, то как разъединить слова последнего? На основе лексического значения? Но тогда надо объединить *пять* и *пятерка* (количественное значение), *себя* и *столько* (указательно-заместительное значение). Как будто можно сделать такое разъединение на базе различия синтаксических свойств: слово *пять* в им.-вин. падеже управляет словом, обозначающим считаваемый предмет, в остальных падежах согласуется с ним, тогда как слово *себе* вообще не имеет им. падежа и не может согласоваться, а только управляется. Можно найти и другие синтаксические различия. Но синтаксически различны и слова в первых трех примерах: *мысль* примыкает, два других – согласуются.

О морфологическом, синтаксическом и деривационном критериях применительно к группировке слов по частям речи говорится сегодня в любом учебнике морфологии. Беда однако в том, что эти критерии опять-таки не выстроены в ту иерархию, которая дает группировку, соответствующую частям речи. Фактически мы действуем при распределении слов интуитивно, хотя интуиция эта основана именно на иерархии признаков данной категории, пусть и не сформулированной эксплицитно.

Распределение словоформ по морфологическим классам – необходимый, но только первый шаг в процедуре выделения частей речи. Следующий шаг – учет синтаксических свойств. Это прежде всего вопрос о том, согласуется, примыкает или управляется данная словоформа в роли зависимого слова словосочетания, а если она выступает в роли главного слова, то могут ли согласоваться с ней, управляться ею или примыкать к ней другие словоформы. И если морфологические и синтаксические признаки совпадают, то перед нами одна и та же часть речи. Но если те или другие (или и те, и другие) различаются, то в действие вступает деривационный критерий. Словоформы разных морфологических классов (даже при различии также и синтаксических признаков) образуют одну и ту же часть речи, если в этих классах есть полное взаимное деривационное соответствие. Почему слова *мыть*, *мою*, *моющий* входят в одну и ту же часть речи? Потому что каждой словоформе любого из морфологических классов есть соответствие среди словоформ каждого другого класса и наоборот. А вот если мы возьмем, например, слово *мойка*, входящее в класс словоформ, имеющих независимый род, число и падеж, то мы далеко не всегда найдем соответствие этим словоформам среди словоформ, имеющих, например, вид и залог: *мойка* – *мыть*, но *пчела* – *пчелить*?

Возникает вопрос, играет ли роль при распределении слов по частям речи собственно лексический критерий (обобщенное лексическое значение). С одной стороны, лексический подход, скажем, античных грамматиков к этой категории явно устарел. С другой стороны, в школьных учебниках до сих пор говорится, что существительное обозначает предмет, а глагол – действие. Что-то заставляет нас держаться за этот критерий.

При классификации лексического материала по частям речи – и об этом надо сказать со всей определенностью – собственно лексический критерий никакой роли не играет. В этой процедуре имеют значение только те критерии, которые указаны выше и только в той иерархии, какая описана выше.

Но спрашивается: а почему же слова, обозначающие предметы, получили одинаковые морфологические и синтаксические признаки? Да конечно же именно в силу общности их лексического значения. В диахроническом, историческом плане именно обобщенное лексическое значение заставляет слова объединяться и в морфологическом, и в синтаксическом, и в деривационном плане.

Но, сформировавшись на лексико-семантической базе как грамматическое явление, часть речи отрывается от нее, подобно тому,

как отрываются от коммуникативной базы члены предложения. Сформировавшись на базе предметности, существительные получают затем возможность “опредмечивать” и действие (*залп*), и состояние (*ненастье*), и признак (*злость*). Сформировавшись на базе процессуальности, глаголы получают затем возможность “опроецировать” и состояние (*спать*), и признак (*белеться*), и даже предмет (*слесарить*). Как всегда в языке, именно диахронический подход имеет объяснительную силу. Но на синхронном срезе лексическое значение, хотя бы и обобщенное, присутствует уже в “снятом виде” и в качестве классификационного признака учитываться не может. Другое дело, что развитие языка протекает непрерывно, и эта непрерывность может проявляться в том числе в сфере частей речи. Слова, имеющие числовое значение, в современном русском языке еще далеко не все получили общие морфологические и синтаксические признаки, но тенденция к этому налицо. Числительное как часть речи находится у нас в стадии формирования и пока что охватывает только лексику с “чисто” числовым значением: *три, трое* — числительные, но *тройка, тройня, трешка* — существительные, *втроем, втрое* — наречия, *тройной, третий* — прилагательные, *утроить, строить* — глаголы.

В общетеоретическом плане важно еще подчеркнуть, что лексическое значение весьма многогранно, и вопрос о том, какой элемент лексической семантики станет толчком к формированию части речи, а какой не станет, решается конкретно-исторически и может привести (и действительно приводит) к существенному различию состава частей речи в разных языках и на разных этапах эволюции одного и того же языка. Например, действие и качество — свойства предмета. Их общая особенность состоит в том, что ни качества, ни действия не существуют отдельно от предмета, ими обладающего или их производящего. С другой стороны, это существенно различные проявления свойств. Из этого следует, что три данных категории: предмет, качество и действие — могут по-разному комбинироваться в ходе исторического развития системы частей речи. Они могут сформировать три разных части речи (как существительное, прилагательное и глагол в современных европейских языках), но могут и попарно объединяться (например, предмет и качество, образовывавшие единую категорию имени в индоевропейском⁷, или качество и действие, об-

---

⁷ О формировании прилагательного из нерасчленённого имени через стадию лексико-семантической синкреты на славянской почве см.: [Баранов 2003].

разующие единую категорию предикатива в китайском) [Драгунов 1952]. Количество – тоже одно из свойств, но это не значит, что оно непременно ляжет в основу отдельной части речи, хотя возможность такая есть. В русском языке эта возможность начала реализоваться (впрочем, совсем недавно: еще в XVI в. встречаем выражения типа *другая шесть*). В принципе не исключено и формирование частей речи на базе других обобщенных лексических значений – с самым разным объемом обобщения (укажем хотя бы на категорию состояния)⁸.

Итак, грамматические категории в языке выстраиваются в определенную иерархию, в которой исходное, отправное значение имеют категории семантического синтаксиса (диктум, модус, пресуппозиция, сочетаемость слов, сильная и слабая их связь), на их базе формируются категории синтаксиса коммуникативного (тема и рема, синтагма, поясняемое и поясняющее, однородность), а на базе актуального членения, в свою очередь, базируются категории конструктивного синтаксиса (члены предложения, виды связи слов в словосочетаниях) и, наконец, морфологические категории (части речи).

Опыт описания грамматической системы языка в такой последовательности пока невелик: теория актуального членения предложения начала активно разрабатываться, как уже сказано, только в XX в., а теория семантического синтаксиса еще моложе. Но описания, идущие от коммуникативного синтаксиса к конструктивному и от него к морфологии, все-таки уже имеются⁹. Хотелось бы, чтобы опыт в этом направлении накапливался¹⁰.

---

⁸ Выделение категории состояния Л.В.Щербой вызвало, как известно, дискуссию. В.В. Виноградов поддержал идею Л.В.Щербы, но развил её весьма неудачно, на что указывал, в частности, И.Е.Аничков. Первое полное и убедительное изложение этого вопроса в учебной литературе см. в [Гвоздев 1957: 405-409].

⁹ Первое из них – это [Шахматов 1941; переизд.: 2002]; из новейших пособий см. синтаксический раздел в [Современный русский язык 2003] (раздел этот написан Е.Н.Ширяевым и О.А. Крыловой. К сожалению, все разделы этого учебника, кроме синтаксического, весьма слабы). См. также: [Осипов 2003: 208-344].

¹⁰ Я не затрагиваю здесь категорий, связанных со сложным предложением. Соображения в защиту классификации придаточных, даваемой А.Н.Гвоздевым, а также ряд других соображений по этому вопросу см. в [Осипов 1999: 100 – 110]. Ряд вопросов, относящихся к теме данной статьи, подробнее рассмотрен в [Осипов 2001: 80-93].

Литература

- Аничков И. Е.* Труды по языкознанию. СПб., 1997.
- Аничков И. Е.* Очерк советского языкознания // Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 2001. С. 464 – 471.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1974.
- Арутюнова Н. Д.* Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 401.
- Баранов В.А.* Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань, 2003.
- Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. М., 1957. Ч.1.
- Драгунов А. А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. М., 1952.
- Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Осипов Б. И.* Коммуникативная структура и члены предложения // Синонимия и смежные явления в русском языке. Ижевск, 1988. С. 71-84.
- Осипов Б.И.* Еще раз о классификации сложноподчиненных предложений // Семантика. Функционирование. Текст. Киров, 1999. С. 100-110.
- Осипов Б. И.* О построении курса русской грамматики // Традиционное и новое в русской грамматике: Сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М., 2001. С. 80-93.
- Осипов Б.И.* Краткий курс русского языка. Омск, 2003. С. 208 – 344.
- Русская грамматика* / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1980.
- Саввина Е. Н.* Глубинная структура // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 110.
- Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980.
- Скобlikова Е. С.* Очерки по теории словосочетания и предложения. Куйбышев, 1990.
- Современный русский язык: Учебник* / Под общ. ред. Л.А. Новикова. М., 2003.
- Фоменко Ю. В.* Детерминанты – реальность или миф? // Вестник Омского университета. 2001. № 3.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М., 1941; переизд.: М., 2002.
- Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. Красноярск, 1988.